

Священник Александр Сатомский

ОППОЗИЦИЯ «ПРАВЕДНИК / ГРЕШНИК» В КНИГЕ ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНА

Статья посвящена одной из важнейших социальных и, шире, антропологических оппозиций в священных текстах Израиля — отношению праведника и грешника. В качестве источника привлечен второканонический текст Ветхого Завета, присутствующий в каноне Септуагинты, — книга Премудрости Соломона. Корпус учительной литературы — книги Премудрости — зачастую практически свободны от формулирования религиозных заповедей и норм и концентрируют внимание на формировании правильного «посюстороннего» поведения у читателя. Премудрость Соломона, напротив, дает эсхатологическую перспективу всяким отношениям, продолжая их в вечность. Рассматривается проблема отношений праведника и нечестивца в свете акта принятия «другого», признания его права на инаковость, укорененного в религиозном переживании, в опыте отношений с Богом или их отсутствия. Книга Премудрости затрагивает проблему молчания праведника и восприятия данного молчания грешником не только как деятельного отвержения его поступков, но и как гнушения им как таковым. Дальнейшее развитие данной оппозиции в иудаизме позволяет проследить изменения, произошедшие в среде учителей Израиля в принятии согрешающих собратьев: от отвержения до приведения к раскаянию и изменению жизни.

Ключевые слова: Закон, Бог, Израиль, праведник, нечестивец, грех, молчание, речь, Премудрость, христианство, иудаизм, принятие.

Ветхий Завет как сложный макротекст поднимает множество вопросов, касающихся разнообразных сторон человеческой жизни. Один из его основных посылов — необходимость следовать заповедям, данным Моисею на Синайской горе. Это — путь жизни, как он обозначается в самом библейском тексте: «Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое», — говорит Бог устами Моисея (Втор 30:19).

Хождение прямым путем, описанным в заповедях, осмысливается как «праведность» не только в ветхозаветных текстах. Праведник, верно и правильно живущий человек, превозносится и поощряется в любой религиозной системе [Вейнберг, 1986], хотя представления о том, чему конкретно следовать, могут быть чрезвычайно различны. Аналогичным образом все священные тексты бичуют человека, отступающего от праведного пути — нечестивца, грешника.

Ярким примером развитой оппозиции данных групп является одна из последних по времени возникновению книга канона Септуагинты — Премудрость Соломона. Название подчеркивает: автор намеренно заостряет свое идейное преемство от мудрейшего из библейских персонажей, настаивая на том, что текст должен восприниматься внутри парадигмы мысли, присущей традиции Ветхого Завета. Именно такое место он в итоге и занял в ветхозаветном каноне Православной и Католической Церквей через канон Септуагинты, оставшись, однако внешней книгой для еврейского канона Масоры и, впоследствии, протестантской традиции.

Праведник считает нечестивцев «мерзостью и удаляется от путей наших, как от нечистот» (Прем 2:16). Важно отметить, что речь в данных главах принадлежит

Священник Александр Сергеевич Сатомский — преподаватель Ярославской Духовной Семинарии, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, ЛГУ им. А. С. Пушкина (ЯФ), аспирант кафедры философии Ярославского Государственного Педагогического Университета им. К. Д. Ушинского (satomsky@yandex.ru).

исключительно нечестивым. Праведник представлен в молчании, главной его категорией является упование, т. е. надежда. Он не высказан, не экстраполирован в мир.

Оппозиция «речь/молчание» представлена и в иных библейских текстах. Классическим примером станет здесь Отрок Господень, о котором упоминает Исайя (Ис 49–55). Он — образ праведника, напрямую связанного с конечными судьбами мира. Он кроток, подобно ягненку, никто не услышит его голоса, он уничтожен более многих злодеев, хотя не говорили лжи уста его (Ис 53:7–9). Необходимо отметить, что и в иудаизме, и в христианстве данный образ в итоге был рассмотрен экзегетами как образ осмысленного страдания или, вернее сказать, как конкретный и конечный вариант самого осмысленного принятия страдания.

Для иудаизма в лице таких его лидеров, как РаШИ и РаДаК, страдающий Отрок Господень — сам Израиль как народ, несущий миру откровение о Едином Боге и уязвляемый в мировой истории. При этом в самой среде иудейских экзегетов данное мнение не получило однозначной поддержки, так как наиболее древние тексты, такие как Таргум Ионафана и трактат «Сангедрин» Вавилонского Талмуда, видят здесь однозначное упоминание Мессии Израиля. Текст Таргума, приписываемый традицией ученику рабби Гиллеля Йонатану бен-Уззиелю, говорит: «Вот, раб Мой, Мессия, будет благоуспешен, возвысится и вознесется, и возвеличится. Как дом Израилев смотрел на него через многие дни, потому что потемнел лик их среди народов, и вид их паче сынов человеческих» [Гольдштейн].

В христианской традиции, начиная непосредственно с новозаветных текстов 1 Пет 2:24–25, 1 Кор 15:3 и далее, — во всей классической христианской экзегезе рассматриваемые главы Исайи однозначно воспринимаются как «ветхозаветное Евангелие», то есть профетическое повествование об Иисусе Христе.

Образы слышания и видения являются одними из основных в библейской традиции, описываемыми взаимоотношения человека и Бога. Лучшим объяснением, почему праведник безмолвствует, является талмудическое толкование [Тора, 1998, 146] пассажа из книги Бытия.

Лия, будучи нелюбимой, старается приобрести любовь мужа через чадородие (Быт 29). Подряд Бог дает ей сыновей — Рувима и Симеона. Еврейский толкователь обращает внимание на деталь: почему в первом случае, благодаря Бога, Лия говорит, что Он «призрел на мое бедствие» (Быт 29:32), а во втором: «Господь услышал, что я нелюбима» (Быт 29:33), почему и называет ребенка «Симон» — שִׁמְעוֹן — «услышанный», от еврейского שָׁמַע — «слушай».

В первом случае Сам Творец обращает внимание на объективный факт — нелюбовь Иакова к первой жене, и вмешивается в ситуацию, исправляя ее. Во втором — по милосердию Он склоняет Свой слух к молитвам Лии, все еще не уверенной в том, что ее положение в браке укрепилось, хотя это так. Таким образом, праведник молчит, потому что знает — Бог видит его реальное положение.

Ввиду того, что нормативный образ страдающего праведника в христианстве — Христос, меняется и отношение к нечестивцу как таковому. Сам Иисус на кресте обращается к Отцу словами 21-го псалма: «Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня?» (Пс 21:1), но Сам при этом ранее говорит о распинающих Его и соучаствующих: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23:34). При том что Псалтирь содержит множество откровенно бичующих и полных проклятия текстов для противников праведника (ср. Пс 108), Христос избирает для врагов прощение, для Отца же — вопрошание. Отсюда, равно как и из учительных бесед Христа (Мф 5:44), христианская традиция рассматривает нечестивца и грешника как заблуждающегося человека, нуждающегося не в отвержении, а в просвещении. Необходимо отметить, что описываемый Танахом тип взаимоотношений между праведником и грешником принципиально изменился не только в христианстве, но, впоследствии, и в ряде раввинистических школ иудаизма.

Ортодоксальный иудаизм прошел длительный путь от радикальной позиции шаммаитов по отношению к согрешающим против закона до хасидских праведников,

плачущих и сетующих о чужих грехах как о своих. Яркий пример — рабби Зуся из Аннополя. Ему принадлежит блок высказываний и майс — притчевых историй, ярко раскрывающих хасидское миропонимание.

Мартин Бубер приводит случай посещения рабби Зусей трактира, где он остановился на ночлег. Хозяин решил незаметно понаблюдать за странным посетителем, а Зуся всю ночь проплакал о множестве грехов трактирщика: «посреди пения псалмов его охватила внезапная дрожь, и Зуся зарыдал, восклицая: „Зуся, Зуся! Грешник ты, Зуся! Что ты наделал! Если бы не был ты преисполнен лжи, то не совершил бы ни одного из преступлений, в которых замешан. Зуся, глупый, заблудший человек, когда же ты перестанешь грешить?“» [Бубер, 2006, 276]. После этих слов хозяин трактира раскаялся, чего и хотел Зуся. Налицо не отвержение грешника, а сострадание и желание привлечь его к покаянию.

Возможно, страдающий праведник книги Премудрости не столь исполнен негативного отношения к грешникам, как предполагают его оппоненты. Главным оскорбительным вовне-действием праведника является, с точки зрения нечестивцев, обличение их грехов против закона. Эта позиция праведника еще более роднит текст с диаспоральной средой, в которой отступления от закона в достаточно радикальных формах случались принципиально чаще, чем на родине. Яркий тому пример — Тиберий Юлий Александр, племянник знаменитого Филона Александрийского, отвергший веру отцов и занявший высокое место в римской иерархии, префект Иудеи [Иосиф Флавий, 1991, 115], а впоследствии Египта.

Позиция активного наблюдения за исполнением базовых норм закона не была однозначным нормативом в еврейской религиозной среде. Здесь необходимо вспомнить о системно оппонирующих друг другу великих учителях Израиля — Гилеле и Шаммае.

Талмудическая традиция усваивает каждому из них проявление одного из существенных свойств Творца — милости в Гилеле и справедливости в Шаммае. В практике это было отражено в целом ряде проявлений: приеме прозелитов, жесткости толкований и т. д. Именно Шаммай был главным идеологом не просто ревностного наблюдения за собственной религиозной жизнью, а труда по принуждению всего Израиля к соблюдению закона [Райт, 2010, 30]. Шаммаиты в итоге оказались одной из движущих сил двух Иудейских войн, приведших еврейскую государственность к абсолютному краху.

Идея Шаммая была проста: в Танахе Бог настаивает на соблюдении Его заповедей как на главном залого благополучия Израиля. Катастрофа 587 г. до Р. Х. была однозначно осмыслена пророками как наказание за отступление народа от Бога и хождение вслед иных божеств. Поэтому и утеря хоть какой-то самостоятельности при воцарении династии Иродов и римской оккупации воспринималась аналогичным образом.

Соответственно, ряд религиозных лидеров предлагали решение данной проблемы в рамках древних библейских рецептов. Всякий иудей, не почитающий заповедей закона, — враг Израиля. Он должен быть вразумлен или принужден (вплоть до смерти) к соблюдению условий договора с Богом.

Безусловно, праведник Премудрости не предлагает силовых решений, но обличению и попыткам возвращения заблудших к заветам отцов есть место. Возвращение к ним напрямую связано с эсхатологической перспективой, обозначенной пророками как изменение мира ввиду примирения Бога с Израилем.

Важно и поведение нечестивца, который на примере возможного падения праведника в ситуации, в которую сам же его и ввергнет, хочет доказать сам себе правоту собственной позиции. Праведник будет подвергнут страданию не только потому, что «обличает в беззакониях», но просто ввиду своей радикальной инаковости — он не такой, как грешник, не вписывается в его представления о мире и месте человека в нем, поэтому ему и нет в нем места.

В Премудрости Соломона грешник озвучивает своего рода жестокий социальный эксперимент: «[праведник] тщеславно называет отцом своим Бога. Увидим, истинны

ли слова его, и испытаем, какой будет исход его; ибо если этот праведник есть сын Божий, то Бог защитит его и избавит его от руки врагов. <...> осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нем попечение будет» (Прем 2:17). При этом сам подход уже показывает, что с точки зрения нечестивца праведник — лжец. Никакой помощи от Бога нет и не будет, поэтому праведник может и должен быть угнетаем.

Главное отличие праведника от нечестивца именно в этой области — принятие другого в свете Божества. Для праведника Бог есть и имеет отношение к его жизни, ввиду этого и другой — есть и имеет отношение к его жизни. Отсюда и запараллельность этих величин в заповедях Ветхого Завета о любви к Богу и ближнему. Для грешника — Бог и другой — мир объектов. Либо призрачных и аморфных, либо реальных и ощутимых. Если для праведника жизнь — в диалоге, то грешник абсолютно монологичен, другой любого уровня для него лишь объект, с которым можно лишь функционально взаимодействовать.

Поглощение, наполнение другим, за счет другого или за счет его отвержения — равнозначные для нечестивца деяния. Его должно стать много. Через бытование он, с его точки зрения, становится причастным реальности перед бездной отсутствия. Никакая эсхатология его принципиально не интересует, т. к. для него она не существует: «положена печать, и никто не возвращается» (Прем 2:5).

Таким образом, оппозиция между праведником и нечестивцем кроется не просто в следовании или не следовании путем закона, а в глубинной разнице апперцепции ими собственной антропологии. Безусловно, этот опыт восприятия с высокой долей вероятности не является реально осмысленным, а скорее подразумеваемым, он есть некая «внутренняя комната», в которую человек может не входить практически никогда. Если учесть, что праведность жестко связывается учительными книгами с мудростью, равно как и нечестие с глупостью, то с точки зрения авторов данного корпуса, в том числе и автора книги Премудрости Соломона, реальное осмысление собственной жизни и опыта доступно лишь мудрецу — праведнику.

Автор Премудрости Соломона не оставляет вопрос о взаимоотношениях праведника и нечестивца без ответа. В отличие от других книг учительного корпуса, которые либо не видят данной проблемы, как книга Притч, либо же указывают на ее принципиальную неразрешимость, как Экклезиаст [Ценгер, 2008], Премудрость Соломона полагает последним арбитром этих отношений действующего Бога. В некотором смысле это шаг, не характерный для всего корпуса Кетубим — Писаний. Здесь читатель наблюдает действующего и говорящего человека и молчащего Бога. В книге Премудрости Бог начинает действовать.

Уже в первой главе, предвзято сюжет конфликта нечестивцев с праведником, автор сразу вводит своеобразный пролог к ситуации — конфликт происходит только ввиду того, что в своей свободе некоторые из людей избирают смерть: «Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть. Нечестивые привлекли ее и руками и словами, сочли ее другом и исчахли, и заключили союз с нею, ибо они достойны быть ее жребием» (Прем 1:15–16). Грех и неправда — не просто один из форматов человеческого поведения, пусть и социально не одобряемый, а деятельное вступление в союз с противником Бога — смертью. Заповеди Премудрости — заповеди жизни: «Блажен человек, который слушает меня... Потому что, кто нашел меня, тот нашел жизнь и получит благодать от Господа; а согрешающий против меня наносит вред душе своей: все, ненавидящие меня, любят смерть» (Притч 8:34–36).

Отвергающий следование путем закона — отвергается от жизни. То есть при том, что нечестивец предельно ищет наполнения — насыщения собственного бытия, жаждет превозношения над всеми именно ввиду необходимости «бытования», — увы, все, что он получает как опыт, есть лишь опыт тлена и распада. Самым последовательным примером развития подобных тенденций и доведения их до логического финала в христианской традиции является диавол. Он, с точки зрения христианской теологии, есть абсолютная попытка самодовления. Диавол жаждет обладания миром, он предельно недиалогичен. Весь мир, разумные и неразумные природы он жаждет,

объективировав, поглотить, то есть усвоить себе через уничтожение и растворение. Для диавола весь мир — цепь «оно», объектов, которые могут либо принадлежать, либо не принадлежать ему, но ни один из них не воспринимается им как «ты».

Единственное «Ты» для диавола — Бог, но это также недиалогичное «Ты». Он не желает находиться с Ним в общении, а жаждет, изменив свое «я» путем поглощения множества иных, приведенных в бытие Творцом, стать Им самим, то есть в итоге — уничтожить и собственное «я». В этом плане он — вечный противник Бога, жаждущего сияния мириад новых «я», не самоуничтожающихся, а самораскрывающихся в своих отношениях с Ним — «Ты».

В завершение же сюжета автор отмечает, что все сказанное им в точности исполняется, хотя и не столь линейно, как в книге Притчей, предполагающей воздаяние праведнику и грешнику здесь — в наблюдаемом мире. Премудрость Соломона, будучи исполнена надеждой автора на вечную жизнь, демонстрируя твердое упование на это как минимум круга иудеев диаспоры, именно в «пакибытии» — в вечности видит разрешение данного конфликта. Бог однозначно на стороне праведника. Если его участь и воспринимается окружающими как горькая жизнь, наполненная презрением в том числе и от Творца, то это лишь иллюзия (Прем 3:1–9), и праведнику уготовано наследие в Боге. Нечестивец же как полагал лишь в себе источник всего, так и останется укоренен в этом, не имея связи с Причиной бытия — Богом.

Источники и литература

Источники

1. Библия — Библия. М.: Российское Библейское общество, 2002. 1326 с.
2. Тора — Тора. Пятикнижие и гафтарот / сост. и комм. д-р Й. Герц. М.: Мосты культуры; Гешарим, 1998. 1456 с.

Литература

3. Бубер (2006) — *Бубер М. Хасидские истории. Первые учителя*. М.: Мосты культуры; Гешарим, 2006. 528 с.
4. Вейнберг (1986) — *Вейнберг И. П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока*. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 208 с.
5. Гольдштейн — *Гольдштейн Э. О ком говорится в 53 главе книги Исаяи*. URL: <https://cis.jewsforjesus.org/o-kom-govoritsya-v-53-glave-knigi-isaii-re/> (дата обращения: 12.02.2018).
6. Райт (2010) — *Райт Н. Т. Что на самом деле сказал апостол Павел. Был ли Павел из Тарса основателем христианства?* М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2010. 186 с.
7. Ценгер (2008) — *Введение в Ветхий Завет / под ред. Э. Ценгера. Сер. «Современная библеистика»*. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008. 802 с.

Priest Aleksandr Satomsky. Opposition of the Concepts of “Righteous” and “Sinner” in the Book of the Wisdom of Solomon.

Abstract: The article is devoted to one of the most important social and, more broadly, anthropological oppositions in the sacred texts of Israel — the relationship between the righteous and the sinner. As a source, the author relies on a deuterocanonical text of the Old Testament, present in the canon of the Septuagint — the book of the Wisdom of Solomon. The corpus of educational literature — Wisdom books — is often practically free from the formulation of religious precepts and norms and focuses on the formation of correct “secular” behavior in the reader. The wisdom of Solomon, on the contrary, gives

an eschatological perspective to all relations, continuing them into eternity. The problem of the relationship between the righteous and the sinner is considered in light of the act of accepting the “other,” the recognition of his right to otherness, rooted in religious experience, in the experience of a relationship with God or its absence. The Book of Wisdom touches upon the problem of the silence of the righteous and the perception of this silence by the sinner not only as an active rejection of his actions, but also as a nuisance to him as such. The further development of this opposition in Judaism makes it possible to trace the changes that have occurred among Israeli teachers in accepting sinning brethren: from rejection to bringing to repentance and a change of lifestyle.

Keywords: Law, God, Israel, righteous, sinner, sin, silence, speech, Wisdom, Christianity, Judaism, acceptance.

Priest Aleksandr Sergeevich Satomsky – Lecturer at Yaroslavl Theological Seminary, K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, A. S. Pushkin Leningrad State University, Doctoral Student at the Department of Philosophy at K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (satomsky@yandex.ru).

Sources and References

Sources

1. Bibliya – *Bibliya* [*The Bible*]. M.: Rossiyskoye Bibleyskoye obshchestvo, 2002, 1326 p. (In Russian).
2. Tora – *Tora. Pyatiknizhiye i gaftarot* [*Torah. The Pentateuch and the Haftarat*]. Ed. & comm. by d-r Y. Gerts. M.: Mosty kul'tury; Gesharim, 1998, 1456 p. (Russian translation).

References

3. Buber (2006) – Buber M. *Khasidskiye istorii. Pervyye uchitelya* [*Hasidic stories. First teachers*]. Moscow: Mosty kul'tury; Gesharim, 2006, 528 p. (Russian translation).
4. Gol'dshteyn – Gol'dshteyn E. *O kom govornitsya v 53 glave knigi Isayi* [*Who is spoken about in Isaiah 53*]. Available at: <https://cis.jewsforjesus.org/o-kom-govoritsya-v-53-glave-knigi-isaii-re/> (accessed: 12.02.2018). (Russian translation).
5. Rayt (2010) – Rayt N. T. *Chto na samom dele skazal apostol Pavel. Byl li Pavel iz Tarsa osnovatelem khristianstva?* [*What the apostle Paul actually said. Was Paul of Tarsus the founder of Christianity?*]. Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andrey, 2010, 186 p. (Russian translation).
6. Tsenger (2008) – *Vvedeniye v Vetkhiiy Zavet* [*Introduction to the Old Testament*]. Ed. by E. Tsenger. Ser. «Sovremennaya bibleistika». Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andrey, 2008, 802 p. (Russian translation).
7. Veynberg (1986) – Veynberg I. P. *Chelovek v kul'ture drevnego Blizhnego Vostoka* [*Man in the culture of the ancient Middle East*]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva «Nauka», 1986, 208 p. (In Russian).